

Мёдова А.А.

**«Другой» как модель человеческой сущности.**

Понятие «Другой» имеет большое значение в философской антропологии XX века; оно выступает в качестве основы для построения одной из самых актуальных современных моделей человеческой сущности (эту модель в дальнейшем мы так и будем называть – «Другой»). В философии XX века, особенно в философии постмодернизма, понятие *Другой* приобрело статус базовой категории, на которой основывается тенденция возвращения в антропологический дискурс понятия *субъект*. Идея *Другого* была эксплицирована еще в начале прошлого века в эстетических трудах М.М. Бахтина и, одновременно, она явилась главной составляющей коммуникативной концепции человеческого существования, разработанной философами-экзистенциалистами. Экзистенциальная модель человеческой сущности в качестве основополагающего положения выдвигает идею о том, что подлинное «Я» возможно лишь как *бытие, содержащее в себе бытие другого*. Но экзистенциальная модель еще не является собственно моделью «Другой», поскольку (в отличие от модели Бахтина) не мыслит Другого как неотъемлемую составляющую часть человеческого сознания. Говоря о Другом, Сартр и Хайдеггер имеют в виду другие, реально данные экзистенции, присутствующие в жизненном мире человека, т.е. окружающих его людей (хотя у Сартра уже присутствует мотив интериоризации Другого). Но в современной антропологии существует и второе понимание концепта Другого, и именно из этого понимания мы непосредственно выводим одноименную модель человеческой сущности. Важнейший и существеннейший момент данной модели отражают слова Левинаса: «Каждый, кто говорит Я, адресуется к Другому». Еще ярче этот смысловой момент иллюстрируется высказанными на полвека раньше словами Бахтина из его эссе «Человек у зеркала»: «Из зеркала на меня глядят *чужие* глаза» [1,с.233]. Модель, осмысляющая человеческую сущность через концепт *Другой*, обнаруживает, что самосознание невозможно без некоего первичного сознания Другого, более того, оно фундировано изначальным,

бессознательным отношением с Другим. Согласно теории Бахтина, человек никогда не имеет ценностной, этической или эстетической позиции по отношению к себе самому. То, что он принимает за эту позицию, есть всегда усвоенное отношение Другого к себе, чужая (иллюзорная) точка зрения, на которую пытается встать человек. Таким образом, самоопределение и самооценка человека возможны лишь благодаря присутствию в сознании Другого.

Но что есть Другой? Можно определить его как «свое иное» (термин Гегеля), т.е. как содержание сознания, моделирующее присутствие в бытии другого человека вообще. Другой – это неотъемлемый виртуальный адресат любых сообщений и отношений субъекта, без присутствия которого невозможна была бы языковая активность, а так же этический, эстетический и любые другие модусы отношения человека к миру. Речь здесь не идет о психическом отклонении или о патологическом раздвоении личности. Наличие в сознании структуры «Другой», с точки зрения одноименной модели, есть одно из оснований самого человеческого сознания. Характерно, что этот Другой, в состоянии обращенности к которому постоянно находится человек, не есть и не может быть чем-то абсолютно иным, чуждым для создающего его сознания. Бергсон и вслед за ним Лакан анализируют этот момент на примере остроты, шуток: «Чтобы острота моя вызвала у Другого смех, необходимо, ...чтобы Другой этот был “вашего прихода”» [2, с.137]. Человек никогда не адресовывает юмор самому же себе, все его шуточки направлены на то, чтобы вызвать смех у кого-то другого. Неважно, сообщаем ли мы придуманную нами шутку окружающим людям. Оценка этой шуточки, т.е. бессознательная проверка, действительно ли она смешна, проводится человеком таким образом: шутка предъявляется внутреннему Другому и он её воспринимает (или нет). Лакан обращает внимание как раз на аспект родственности, близости Другого сознанию-носителю. Без этого имманентного соответствия мы ничего не могли бы сообщить Другому. Из сказанного можно сделать вывод, что структура Другого есть постоянно наличествующее совпадение-несовпадение содержаний сознания или, возвращаясь к формулировке Гегеля, «свое иное».